

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44
К76

Перевод с португальского *Александра Богдановского*

Серия «Лучшее от Пауло Коэльо»
Дизайн обложки *Екатерины Елькиной*
Серия «Эксклюзивная классика»
Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Коэльо, Пауло.

К76 На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала / Пауло Коэльо; [пер. с порт. А. Богдановского]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 190, [2] с.

ISBN 978-5-17-087648-8 (Лучшее от Пауло Коэльо)

ISBN 978-5-17-114791-4 (Эксклюзивная классика)

«На берегу Рио-Пьедра...» — первый роман трилогии «В день седьмой», куда входят также «Вероника решает умереть» и «Дьявол и сеньорита Прим».

Это роман о любви, о том, что она — главное в нашей жизни, и через нее можно точно так же прийти к Богу, как и через служение Ему в роли монаха-чудотворца. А еще о том, что рано или поздно каждому из нас приходится преодолевать свои страхи и делать Выбор.

УДК 821.134.3-31(81)
ББК 84(7Бра)-44

Издание осуществлено с разрешения
Sant Jordi Asociados, Barcelona, SPAIN
Originally published as *Na Margem*
do Rio Piedra Eu Sentei e Chorei by Paulo Coelho

www.paulocoelho.com
www.paulocoelhoblog.com

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Copyright © 1994 by Paulo Coelho
© Богдановский А., перевод, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПОСВЯЩАЕТСЯ

И. С. и С. Б.,
чье дружеское участие открыло мне
женское начало Божьего лика;

Монике Антунес,
сопутствующей мне с первого часа жизни,
любовью и воодушевлением
распространяющей огонь по миру;

Пауло Рокко —
за радость тех битв, где мы были союзниками,
и за достоинство тех боев,
где были противниками;

Мэттью Лору —
за то, что не позабыл мудрых слов «И-Цзина»:
«Упорство — благоприятно».

ОТ АВТОРА

Некий испанский миссионер повстречал на острове троих ацтекских жрецов.

— Как вы молитесь? — спросил их священник.

— Молитва у нас одна, — отвечал ему старший. —

И звучит она так: «Господи, ты триедин, и нас трое. Помилуй нас».

— Славная молитва, — сказал на это миссионер. — Да только это не совсем то, к чему склоняет слух Господь. Давайте-ка я научу вас другой молитве, гораздо лучше.

Научил их католической молитве и отправился дальше проповедовать слово Божье. А несколько лет спустя, когда он возвращался к себе в Испанию, случилось так, что корабль его проплывал мимо того самого острова. С верхней палубы заметил миссионер троих жрецов на берегу и помахал им рукой.

На берегу Рио-Пьедра...

В тот же миг они по водам направились к кораблю.

— Падре! Падре! — закричал один из них, подходя совсем близко. — Мы не смогли запомнить ту молитву, которой внимлет Господь! Научи нас ей заново!

— Это не важно, — сказал миссионер, ставший свидетелем чуда. И попросил у Бога прощения за то, что сразу не понял — Он говорит на всех языках.

Эта притча наилучшим образом объясняет, о чем пойдет речь в книге «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала». Мы редко отдаем себе отчет в том, что Необыкновенное — вокруг нас. Рядом с нами творятся чудеса, небесные знамения указывают нам путь, ангелы просят услышать их, однако мы не замечаем этого, накрепко затвердив, что для того, чтобы прийти к Богу, надо исполнить определенные правила, произнести определенные формулы. Мы не понимаем — какие врата мы откроем для Него, теми Он и войдет.

Традиционные религиозные обряды важны, ибо помогают нам разделить с другими чувство общности, которое возникает, когда люди вместе свершают таинство, вместе возносят молитву, вместе отправляют богослужение. Но нельзя при этом забывать, что духовный опыт есть прежде всего практический опыт Любви. А в Любви правил не существует. Можно попытаться штудировать учебники, обуздывать душевные порывы, выработать стратегию поведения — все

Пауло Коэльо

это вздор. Решает сердце, и лишь им принятое решение важно и нужно.

Такое бывало в жизни каждого из нас. Каждый из нас в тот или иной миг твердил, обливаясь слезами: «Эта любовь не стоит моих страданий». Мы страдаем оттого, что нам кажется, будто даем больше, чем получаем. Мы страдаем оттого, что наша любовь не признана, не узнана. Мы не смогли ввести собственные правила, вот и страдаем.

И напрасно. Ибо в любви заложено зерно нашего духовного роста. Чем больше мы любим, тем ближе к постижению духовного опыта. Истинно просвещенные люди — те, чьи души были воспламенены Любовью, — одолевали все предрассудки своего времени. Они пели, смеялись, молились вслух, плясали, они творили то, что апостол Павел назвал «священным безумием». Они были веселы — ибо любящему покоряется мир и неведом страх потери. Истинная любовь — это когда отдаешь себя всего без остатка.

«На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала» — книга о том, как это важно. Пилар и ее друг — персонажи вымышленные, и они же символизируют многие конфликты, которые сопровождают нас в поисках Иного Края. Рано или поздно каждому из нас придется преодолеть свои страхи — ибо духовная стезя пролегает через повседневный опыт любви.

Монах Томас Мертон сказал как-то: «Духовная жизнь сводится к любви. Любят не потому, что хотят сотворить благо, или помочь кому-либо, или оберечь

На берегу Рио-Пьедра...

и защитить кого-то. Когда мы поступаем таким образом, то рассматриваем нашего ближнего всего лишь как объект, а себя — как людей, одаренных благородством и мудростью. Это не имеет с любовью ничего общего. Любить — значит причаститься другого человека и обнаружить в нем искорку Божьего огня».

Пусть же слезы Пилар, пролитые на берегу Рио-Пьедра, укажут нам путь к этому причащению.

На берегу Рио-Пьедра...
...села я и заплакала.

Если верить преданию, все, что попадает в воды этой реки — листья, насекомые, птичьи перья, — со временем превращается в камни, устилающие ее русло.

Ах, если бы я могла вырвать сердце у себя из груди, вырвать и бросить его на стремнину, чтобы не было больше ни муки, ни тоски, ни воспоминаний.

* * *

На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. Зимний холод заставил меня ощутить слезы на щеках, и слезы эти перемешивались с ледяными водами, катившимися передо мной. Где-то эта река соединяется с другой, потом с третьей, и так до тех пор — но уже

На берегу Рио-Пьедра...

вдалеке от глаз моих и сердца, — пока все эти воды не перемешаются с морской водой.

Пусть же воды ее унесут прочь смешавшиеся с ними слезы, чтобы любовь моя не знала, что однажды я оплакивала ее. Пусть воды ее унесут прочь смешавшиеся с ними слезы, чтобы я смогла забыть Рио-Пьедра, монастырь, церковь на отрогах Пиренеев, туман и дороги, по которым шли мы вместе.

Я позабуду дороги, горы и поля, которые видела во сне, — и сны эти снились мне, только я об этом не знала.

Но я помню тот чудесный миг, когда простое «да» или «нет» могло изменить все наше бытие. Кажется, что это было так давно, а между тем всего неделю назад я снова встретила его — и снова потеряла.

На берегах Рио-Пьедра я написала эту историю. Руки мои заледенели, ноги онемели от неудобной позы, и я все время порывалась бросить, остановиться.

— Постарайся просто жить. Оставь воспоминания старикам, — говорил он.

Быть может, это любовь старит нас прежде времени, и она же возвращает давно ушедшую юность. Но как же не вспоминать эти мгновения? Я и пишу затем, чтобы глухую тоску переплавить в светлую печаль, одиночество — в воспоминания. Чтобы, дорассказав самой себе эту историю, швырнуть ее в реку — так говорила мне женщина, у которой я нашла приют. И тогда — вспомним слова святой — вода погасит написанное огнем.

Пауло Коэльо

Все истории о любви похожи одна на другую.

Мы вместе росли, вместе выросли. Потом он уехал из отчего края, ибо все юноши рано или поздно покидают родное захолустье. Сказал, что хочет посмотреть мир и что мечты его простираются дальше полей Сории.

Несколько лет я ничего о нем не знала. Лишь изредка приходило от него письмецо — и все на этом, ибо в рощи и на улочки нашего детства он не вернулся никогда.

А я, окончив школу, уехала в Сарагосу — и там поняла: он был прав. Сория — маленький городок, а единственный знаменитый поэт, которого подарил он миру, говорил, что дорога создана, чтобы идти по ней*. Я поступила в университет, у меня появился жених. Стала готовиться к открытому конкурсу, победить на котором мне так и не пришлось. Работала продавщицей, чтобы платить за учење, провалилась на конкурсе, отказала жениху.

А между тем письма от него теперь приходили чаще, и, глядя на чужестранные марки, я испытывала зависть. Вот, думала я, друг мой стал старше, он все познал, он объездил весь мир, он отрастил себе крылья, я же все пытаюсь пустить корни.

Пришло время, когда в письмах своих, отправленных из одного и того же французского городка, он

* Имеется в виду Антонио Мачадо (1875–1939), творчество которого связано с Сорией. — *Здесь и далее прим. перев.*

На берегу Рио-Пведра...

все чаще стал упоминать о Боге. Как-то раз он сообщил, что хочет поступить в семинарию, посвятить себя молитве и проповеди. В ответном письме я попросила его подождать с этим и еще хоть немного насладиться свободой, а уж потом совершить столь серьезный шаг.

Перечла и решила порвать письмо — кто я такая, чтобы рассуждать о свободе или о пострижении? То и другое ведомо ему, а не мне.

А спустя еще какое-то время я услышала, что он читает лекции, и удивилась — он ведь слишком молод, чтобы учить других. Но через две недели он написал мне, что будет читать лекцию в Мадриде и очень просит меня приехать.

Четыре часа ехала я из Сарагосы в Мадрид, потому что хотела вновь увидеть его. Хотела слышать его голос. Хотела посидеть с ним в кафе, вспомнить те времена, когда мы играли вместе, когда нам казалось: мир так велик, что его не объездишь, не постигнешь.

Суббота, 4 декабря 1993 г.

А на лекцию собралось гораздо больше народу, чем я предполагала, да и обстановка была куда торжественней и строже. И я не понимала, как же это так получилось.

«Быть может, он успел прославиться», — подумала я. Он ничего не говорил об этом в своих письмах. Мне захотелось поговорить с теми, кто сидел в зале, спросить, что привело их сюда, — но я не отважилась.

Я удивилась, увидев его. Он был совсем не похож на паренька, которого я знавала когда-то, да и немудрено: одиннадцать лет — срок изрядный, было время перемениться. Он стал красивей, глаза его сияли.

— Он возвращает нам наше, — произнесла женщина, сидевшая слева от меня.

Странные слова.

— Что возвращает? — спросила я.

— То, что было у нас украдено. Веру.

На берегу Рио-Пьедра...

— Нет, не возвращает, — возразила моя соседка справа, она была помоложе. — Нельзя вернуть то, что и так принадлежит нам.

— В таком случае, зачем же вы сюда пришли? — раздраженно осведомилась первая женщина.

— Хочу послушать его. Мне интересно, о чем они думают теперь. Было время, когда они сжигали нас на кострах. Быть может, им кажется — мало?

— Это одинокий голос, — сказала первая. — Он делает что может.

Вторая насмешливо улыбнулась и, оборвав разговор, отвернулась.

— Для семинариста он ведет себя очень отважно, — продолжала первая, обращаясь теперь ко мне и у меня ища поддержки.

Но я ничего не понимала и промолчала. А молодая подмигнула мне — как сообщнице, союзнице.

Но молчала я оттого, что мысли мои были заняты другим. Я думала о том, что сказала первая женщина. «Семинарист».

Не может быть. Он бы предупредил меня.

Он начал говорить, а мне никак не удавалось сосредоточиться. «Надо было одеться понарядней», — думала я, сама не понимая, почему меня это так заботит. Он заметил меня в зале, и я пыталась отгадать, о чем он думает, нравлюсь ли я ему. Должно быть, большая разница существует между мной тогдашней и нынешней — тогда мне было восемнадцать, теперь — двадцать девять.

Пауло Коэльо

Голос его совсем не изменился. Но произносил он совсем иные слова.

Необходимо рисковать. Чудо жизни можно постигнуть в полной мере, лишь когда мы будем готовы к тому, что случится неожиданное.

Каждый день Бог посылает нам — вместе с солнцем — возможность изменить все то, что делает нас несчастными. И каждый день мы пытаемся притвориться, будто не замечаем этой возможности, будто ее не существует вовсе, будто сегодня — во всем подобно вчера и неотлично от завтра. Но тот, кто всмотрится в свой день внимательно, найдет этот волшебный миг. Он может таиться в том часе, когда мы отпираем дверь, ведущую в завтра, или в безмолвном мгновении, наступающем после ужина, или в тех тысячах мелочей, которые кажутся нам неотличимыми друг от друга. Существует этот миг — миг, когда сила звезд проникает в нас и позволяет нам творить чудеса.

Да, счастье иногда нисходит к нам как благодать, но гораздо чаще — это победа и преодоление. Волшебный миг помогает нам преобразиться и отправиться на поиски того, о чем мы мечтали. Да, на этом пути нас ждут горести и муки, страдания и лишения, нам встретится множество разочарований, — но все это преходяще и не оставляет следов. И в грядущем мы сможем взглянуть назад с гордостью и верой.

Несчастен тот, кто боится идти на риск. Вероятно, он не ведает разочарований и краха иллюзий,

На берегу Рио-Пьедра...

не страдает — в отличие от тех, кто мечтает и стремится превратить мечту в явь. Но когда он обернется — а обернется он непременно, ибо это присуще каждому из нас, — то услышит, как говорит ему сердце: «Что сделал ты с теми чудесами, которыми Бог так щедро усеял твои дни, досуги твои и труды? Как употребил ты таланты, которые вверил тебе твой Наставник? Зарыл поглубже, потому что боялся потерять? Что ж, отныне достоянием твоим будет лишь уверенность в том, что жизнь свою ты промотал и растратил, расточил и рассеял».

Несчастен тот, кто слышит такие слова. Несчастен, ибо теперь он уверует в возможность чуда, но волшебные мгновения уже не вернуться.

Когда он закончил лекцию, люди со всех сторон окружили его. Я ждала поодаль, напряженно размышляя над тем, какое впечатление произведу на него после стольких лет разлуки. Я чувствовала себя маленьким ребенком — робеющим, ревнующим его к новым, незнакомым мне друзьям, я страдала, потому что другим он уделял внимания больше, чем мне.

Но вот он приблизился. Кровь прихлынула к его щекам, и я увидела перед собой не взрослого мужчину, минуту назад толковавшего о таких важных предметах, а того мальчика, который когда-то, спрятавшись со мною вместе в часовне Святого Сатурия, рассказывал о мечте обойти весь свет — а наши ро-